

**ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОХОТНИЧЬЕГО
ХОЗЯЙСТВА В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х ГГ.**

Данная работа посвящена анализу непродолжительного, но важного периода в истории советского, а, следовательно, и отечественного охотничьего хозяйства, продолжавшегося с середины 1950-х до начала 1960-х гг. В это время в основном была сформирована концепция и определены организационно-правовые формы советской модели использования ресурсов дикого животного мира. В процессе формирования этой концепции ее авторы активно использовали (теперь это уже стало можно) русский (имперский) опыт и опыт советских структур и организаций, господствовавшие идеологические подходы.

Д. К. Соловьев дал первое отечественное определение охотничьего хозяйства, указав, что оно начинается там, где создана определенная организация, эксплуатирующая объекты живой природы: «...Не растрачивая основного фонда, а пользуясь лишь естественным приростом. Понятие хозяйства, само по себе, обусловливает обыкновенно известную затрату труда и капитала, в каких бы экстенсивных формах оно не велось» [41, с. 331].

Охота как промысел, по мнению практиков и теоретиков охотничьего дела начала 1970-х гг., «...отличается от охотничьего хозяйства тем, что при промысле охотники используют охотничьих животных как дары природы, ничего не вкладывая для их возобновления. Охотничье хозяйство не только эксплуатирует природные ресурсы, но и заботится об их воспроизводстве, вкладывая в возобновление своей сырьевой базы (запасов зверей и птиц) силы и средства» [31, с. 7].

Известный исследователь охотничьего промысла С. П. Матвейчук представляет историю охоты как историю борьбы двух противоположных тенденций – элитарной (корпоративной) и эгалитарной (общедоступной). Элитарная концепция организации охоты, утвердившаяся в Европе, основывается на персонафицированном ограничении доступа граждан к охоте другими гражданами. Эгалитарная концепция, общепринятая в США и Канаде, признает регулирование доступа к охоте прерогативой государства. Право охоты не зависит от принадлежности к корпорациям, равенство доступа обеспечивается использованием механизмов случайного выбора претендентов [15].

Обе эти концепции и соответствующие им практические стратегии преодолевают различными способами дисбаланс между спросом на охоту и ее (недостаточным) предложением. Европейская схема обеспечивает ограничение числа охотников, из них – реально охотящихся и, далее, – занимающихся наиболее популярными видами охот. Североамериканская стимулирует рост числа охотников, ограничивая их охотничью активность. Европейская устойчиво предоставляет лучшие охотничьи возможности социально успешным, североамериканская – равные возможности каждому.

Общественные объединения охотников, образовывавшиеся после Октябрьской революции, не принимали в свои члены бывших «эксплуататоров». При этом общества претендовали, с одной стороны, на получение права охоты только через членство в общественном объединении, с другой – на право произвольного отказа в принятии в члены и исключения из общества [16].

Вместе с тем обязательность членства в общественном объединении для получения права охоты стала реализовываться лишь со второй половины 1950-х гг. В западных республиках СССР, где элитарный подход был традицией, принудительное членство обернулось массовыми чистками. Росохотрыболовсоюз решал задачу полного охвата охотников дольше и только в конце 1970-х гг. отказался от планирования роста числа членов общества и принял тактику прямого сдерживания числа охотников [43, с. 27].

В 1930–1940-е гг. в стране не имелось достаточных материальных ресурсов и уровень развития производительных сил общества не позволял повсеместно поставить ведение охотничьего хозяйства на производственную основу, поэтому преобладала заготовительная деятельность. Как указывает В. К. Мельников, охотничье хозяйство колхозов было основной формой производственного охотничьего хозяйства, но доведено до совершенства оно нигде не было, да и охватывало только часть охотничьих угодий [17, с. 75].

В результате коллективизации сельского хозяйства главное внимание было сосредоточено на всемерном развитии товарного земледелия и животноводства. Поэтому в колхозах резко снизилась осваиваемость охотничьих угодий по площади, прекратились работы по устройству промысловых участков. Даже в промысловых таежных районах Иркутской области в хозяйственной деятельности колхозов охотохозяйственное производство не получило должного места и внимания [46, с. 43].

В военно-послевоенный период организации рационального охотничьего хозяйства должного внимания не уделялось. В связи с социально-экономическими проблемами страны ни о каких экологических принципах промысла охотничьих животных не шло и речи. Добывалось столько, сколько можно было добыть, что подорвало биологические ресурсы региона. Лишь к середине 1950-х гг. руководство страны осознало необходимость радикальной перестройки охотничьего хозяйства на основе рационального природопользования.

К работе над обоснованием новой модели управления охотничьим хозяйством были привлечены заинтересованные организации и структуры, авторитетные специалисты и ученые. Рядом правительственных постановлений, принятых в 1955–1960 гг. были созданы необходимые предпосылки для развития промыслового и спортивного охотничьего хозяйства. Среди них – Постановление СМ РСФСР «О мерах дальнейшего развития охотничьего хозяйства, пушного промысла, звероводства и об увеличении заготовок пушнины в РСФСР» (1956) [21, с. 523–525]; «О мерах по воспроизводству ценных видов пушных зверей и плане отстрела отлова соболя, куницы, уссурийского енота, выдры на сезон 1956/57 г.» (1956) [22, с. 600–601]; «О мерах по улучшению состояния охотничьего хозяйства РСФСР» (1958) [27, с. 225]; Постановления СМ СССР «О мерах по улучшению ведения охотничьего хозяйства» (1959) [25, с. 513–515]; «О мерах по упорядочению использования и усилению охраны водных ресурсов СССР» (1960) [28, с. 652–656] и др.

На некоторых целесообразно остановиться подробнее. В Постановлении ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» от 16 марта 1957 г. говорилось о необходимости наиболее полно использовать природно-экономические условия и местные возможности для подъема материального благосостояния народностей Севера. Главное внимание обращалось на развитие в колхозах и совхозах основных отраслей общественного хозяйства – оленеводства, охотничьего промысла, звероводства и рыбоводства. Колхозам в районах Крайнего Севера и приравненных к ним отдаленных местностей устанавливалась надбавка на расширение и улучшение охотничьего промысла в 20 % стоимости пушно-мехового сырья и дичи, сданной государству по договорам с заготовительными организациями [23, с. 257–263].

26 октября 1957 г. СМ РСФСР принял Постановление «О мерах по улучшению использования кедровых насаждений, развитию промыслов и увеличению заготовок кедровых орехов, пушнины, боровой дичи и дикорастущих ягод в таежных районах Сибири, Дальнего Востока и севера Европейской части РСФСР», которым предусматривалось создание в таежных районах специализированных хозяйств, ведущих лесные промыслы (коопзверопромхозы) [26, с. 167–169].

Неопределенность юридического и хозяйственного статуса охотугодий промхозов потребовала от СМ СССР принятия Постановления «О мерах по улучшению ведения охотничьего хозяйства» (11 мая 1959 г.) В нем основной формой правильной организации охотничьего хозяйства признавалось закрепление охотничьих угодий (на срок не менее 10 лет) за государственными, кооперативными и общественными организациями.

Право охоты предоставлялось всем гражданам, состоящим членами обществ охотников, сдавших испытания по охотничьему минимуму. В районах промысловой охоты порядок предоставления права на охоту устанавливался советами министров союзных республик. Им поручалось разработать и утвердить положения об охоте и охотничьем хозяйстве. Контроль за правильным ведением охотничьего хозяйства в стране и за соблюдением действующего законодательства об охоте возлагался на Минсельхоз СССР [25, ст. 62].

В октябре 1960 г. было утверждено новое (после 1930 г.) «Положение об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР». В нем охотничье хозяйство рассматривалось как самостоятельная отрасль народного хозяйства, основной задачей которой является обеспечение потребностей государства в пушнине и другой продукции охоты. В этих целях предписывалось осуществлять устройство охотугодий, охрану, воспроизводство и рациональное использование запасов диких зверей и птиц, определялись правовые нормы, правила и порядок ведения охотхозяйства и реализация охотпродукции. Общий контроль за ведением охотничьего хозяйства в стране был возложен на Минсельхоз РСФСР [33].

Предусмотренные советскими декретами органы управления охотничьим хозяйством не имели в 1920-х гг. значительных штатов на местах. В результате у специалистов вновь возобладала идея об аренде охотугодий обществами охотников [42, с. 78]. Она не была реализована, но стала основой аналогичной кампании, стартовавшей в конце 1950-х гг. Параллельное создание единого,

вертикально интегрированного общественного объединения охотников, за которым закреплялись угодья, предполагало бесконфликтность распределения.

Однако на деле началась борьба за угодья между влиятельными и обычными обществами. Охотколлектив облисполкома занимал угодья районного общества, городское общество – угодья районных и т. д. Предположение Д. К. Соловьева о том, что единый Союз охотников предоставит каждому члену право легально «охотиться на тех землях, где ему удобно по месту жительства», не подтвердилось практикой. Фактически в силу объективных особенностей охотничьего хозяйства любое закрепление охотничьих угодий за организацией, самостоятельно управляющей охотничьим доступом, означает возникновение естественной монополии; законодательство, по мнению С. П. Матвейчука, не противодействует злоупотреблениям доминирующим положением на локальном охотничьем рынке [16].

С середины 1950-х гг. промыслово-заготовительная сеть страны подверглась коренной реорганизации. В 1955 г. Главное управление по делам охотничьего хозяйства, созданное в 1944 г., было преобразовано в Главное управление охотничьего хозяйства и заповедников при Совмине РСФСР (Главохота РСФСР). Однако положение о нем и о его местных органах было утверждено СМ РСФСР лишь 10 августа 1956 г. Принятое постановление делегировало ему больше прав, чем предшественнику (1930 г.). В нем получил развитие принципиальный вопрос о государственном охотничьем фонде. В п. 2 положения подчеркнуто, что госохотфонд республики един и не зависит от ведомственной принадлежности охотугодий. Если прежде под охотой понималось только добывание диких зверей и птиц, то в соответствии с ним к ней приравнивались их выслеживание с целью добычи и преследование. Для этого в его структуре был создан отдел госохотнадзора [29, ст. 164].

Главохотой была проведена значительная работа. Разработаны типовые правила охоты, в которых дано толкование действовавшего охотничьего законодательства. На их основании субъекты федерации утверждали местные правила, регулировавшие охоту на их территории. Соблюдение этих правил обеспечивалось районной службой охотничьего надзора. Главохоте РСФСР было поручено образовать специальную егерскую службу в наиболее ценных охотничьих угодьях в целях обеспечения правильной эксплуатации государственного охотничьего фонда [45, л. 41; 30, с. 19, 24, 25].

Деятельность Главохоты осуществлялась на трех административных уровнях: республиканском, областном (АССР, край), районном и дифференцировалась по функциональным разделам. В центральный аппарат входило Управление гослесоохотхозяйствами. Существовавшее в ее составе «Зообъединение» – единственная структурная единица, масштабы которой имели общесоюзный характер. Ему подчинялось 17 зоокомбинатов и зообаз, которым, соответственно, – 80 зоомагазинов. Управление госпромхозами в процессе своего развития руководило 22 управлениями охотничье-промыслового хозяйства, которым подчинялось 95 госпромхозов, 788 местных заказчиков. В составе центрального аппарата работали отделы охотничьего хозяйства и госохотнадзора. Им соответственно подчинялись управления охотничье-промыслового хозяйства и 49 госохотинспекций, руководивших районными службами охотнадзора, в которых служило 2 тыс. чел.

Отдел госзаповедников осуществлял руководство 24 заповедниками и 19 республиканскими заказчиками. В центральный аппарат входили уже упоминавшиеся охотоустроительные экспедиции. Последним элементом аппарата являлась ЦИИЛ (лаборатория) Главохоты, при которой было опытное хозяйство. В то же время в аппарате Главка отсутствовал отдел по учету государственного охотничьего фонда, хотя такая задача в Положении о Главохоте была отмечена в качестве одной из основных [30, с. 23–25].

На основании типовых республиканских правил СМ АССР, край-, облизполкомы утверждали местные правила, регулировавшие охоту на подотчетных им территориях. Контроль за их соблюдением проводила районная служба охотнадзора, в которую входили районные и межрайонные охотоведы, охотинспектора и охоттехники. В каждом административном районе имелся районный охотовед. Если объем работы был большим, ему выделяли охоттехника. В последующий период на территориях с развитой охотой и имевших ресурсы особо ценных и уязвимых охотничьих животных выделяли дополнительно (на несколько районов) старшего или межрайонного охотоведа. На местах в охране охотничьей фауны участвовали также егеря заказников, работники охраны гослесоохотничьих и промысловых хозяйств, госзаповедников. Весь советский период, по мнению специалистов, численность и техническое оснащение органов госохотнадзора были недостаточны для эффективной борьбы с браконьерством, совершаемым с использованием технических средств.

Районные охотоведы контролировали работу обществ охотников и рыболовов, проверяли деятельность райзаготконтор по организации охотничьего промысла и приемке продукции охоты, организовывали работу по учету численности и воспроизводству охотничьих животных и сами участвовали в ней. Они же рассматривали материалы о нарушении правил охоты на территории подотчетных районов, вне зависимости от того, кем они были представлены (егерями, лесниками, общественными охотинспекторами и т. д.), и принимали соответствующие решения.

Обязанности по охране и правильной эксплуатации государственного охотничьего фонда на территории субъектов федерации были возложены на управление охотничье-промыслового хозяйства (в их составе были соответствующие отделы) и госохотинспекции. Они выполняли эту роль непосредственно и через должностных лиц, осуществлявших контроль за соблюдением правил охоты, организовывали общественную охотинспекцию, налагали в установленном порядке штрафы на нарушителей правил охоты и взыскивали их, предъявляли гражданские иски организациям и лицам, по вине которых был нанесен ущерб госохотфонду. В необходимых случаях направляли материалы следственным органам для привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в особо серьезных нарушениях правил охоты.

Областные (краевые, АССР) органы госохотнадзора следили за тем, чтобы велось неистощимое использование охотничьих ресурсов, не подрывавшее их воспроизводство. С этой целью они на основании сведений о численности охотничьих животных корректировали сроки охоты и нормы добычи на отдельные виды, уточняли планы добычи лицензионных видов, регулировали нагрузку на охотничьи угодья в приписных охотничьих хозяйствах и т. п. Из-за недостаточного количества специалистов и технических возможностей эта работа не всегда была оперативной и эффективной, проводилась зачастую без учета реального состояния локальных популяций диких зверей и птиц [30, с. 25–26].

Кроме Главохоты РСФСР, важную роль в охотничье-промысловом хозяйстве играла система потребительской кооперации. В 1956 г. было упразднено Министерство заготовок СССР, а получение пушно-мехового сырья передали потребкооперации. В РСФСР его возложили на Роспотребсоюз. Это имело двойное значение – организационное и экономическое. Первое было связано с ликвидацией специализированной и мощной системы «Заготживсырье», много сделавшей для развития охотничье-промыслового хозяйства страны.

Новый хозяин не обладал возможностями своего предшественника и, прежде всего, уровнем наценок, предоставляемых промхозам за сдаваемую пушнину – 21–27 % вместо 60–70 %, что немедленно сказалось на рентабельности пушных заготовок. Для райзаготконтор, занимавшихся заготовками всех видов сельхозпродуктов, вторсырья и т. д., пушные заготовки явились дополнительной нагрузкой. Сложность заготовок пушнины, добываемой вдали от населенных пунктов, относительно небольшой удельный вес и малая рентабельность ослабили внимание к охотничьему хозяйству. Практически заготконторы занимались скупкой пушнины у охотников, приносящих ее. Это стало причиной ликвидации многими потребсоюзами нерентабельных промхозов. Ондатровые хозяйства ликвидировали. Полностью были закрыты хозяйства в Иркутской области и большинство хозяйств Бурятской АССР. Штатные охотники были распущены [30, с. 26].

Для управления сетью промхозов в Роспотребсоюзе была создана Росглавкооппушнина. Это управление ведало заготовками пушно-мехового и кожевенного сырья, координировало работу КЗПХ и зверохозяйств потребительской кооперации России. Оно осуществляло свои функции через соответствующие отделы заготовительных управлений обл(край, АССР)потребсоюзов. Кроме этого было создано 10 трестов коопзверопромхозов (КЗПХ), деятельность которых координировали правления соответствующих облпотребсоюзов. Только Иркутский трест находился непосредственно в ведении Росглавкооппушнины.

Основным звеном управления являлись заготконторы райпотребсоюзов (РЗК). Они осуществляли заготовку пушно-мехового сырья непосредственно через свои приемные пункты и склады и при помощи первичных ячеек кооперации – потребительских обществ. Организациям потребкооперации в районах промысловой охоты разрешалось нанимать охотников при райзаготконторах и сельпо. Некоторые райзаготконторы в промысловых районах имели свой штат охотников. В системе Роспотребсоюза была автономная рыболовецкая секция. Она координировала деятельность рыболовецких потребсоюзов, расположенных в районах концентрированного лова рыбы, но занимающихся и охотничьим промыслом. Преимущество потребкооперации заключалось в наличии у нее разветвленной торгово-заготовительной системы, охватывавшей все районы и сельские местности России. Приемку продукции охотничьего промысла (включая и дикоросы) вели все ее заготовительные пункты и сельпо.

Однако многообразие функций этой системы свело на нет это преимущество. Бывшие конторы «Райзаготпушнины» уделяли все внимание организации охотничьего промысла, заготовкам и доработке пушно-мехового сырья, имели штаты постоянных и временных заготовителей. Достаточно быстро в большинстве райзаготконтор, осуществлявших заготовки десятков видов продукции, начиная со вторичного сырья и заканчивая сельхозпродукцией, продукции охотничьего промысла перестали уделять достаточно внимания. Заготовителей-пушников почти не осталось, приемка, хранение и доработка сырья организовались зачастую неудовлетворительно. Потребкооперации были подчинены 14 пушно-меховых баз, концентрировавших соответствующее сырье, поступавшее от производственных и заготовительных организаций и направлявших его промышленности.

Роспотребсоюзу напрямую подчинялись Роскооппушнина и Рыболовсекция. В свою очередь Роскооппушнина контролировала тресты коопзверопромхозов, заготуправления территориально-административных образований и пушнозаготовительные базы. Тресты соответственно руководили коопзверопромхозами, заготуправления – райзаготконторами, а они – потребительскими обществами.

Первое время после возникновения КЗПХ фактически являлись придатками районных заготконтор. Затем часть промхозов была передана в ведение заготуправлений потребсоюзов, а другая – в подчинение трестов коопзверопромхозов. Это привело к тому, что в ряде районов промхоз и райзаготконтрора стали во многом дублировать друг друга. Их интересы соприкасались, а подчас и сталкивались в области торговли, снабжения населения и охотников.

Для устранения параллелизма в районах с незначительным удельным весом заготовок сельхозпродукции, РЗК были ликвидированы, а их функции передали промхозам. В районах с большим объемом закупок сельхозпродукции райзаготконторы были сохранены, но у них изъяли функции заготовки пушно-мехового сырья. В отдельных районах в промхозах сосредоточилась не только вся заготовительная, но и торговая деятельность [30, с. 17–21, 28–29; 31, с. 32].

Третья крупная организация, работавшая в охотничье-промысловом хозяйстве РФ, – Минсельхоз РСФСР. В его ведении, в районах Крайнего Севера и приравненных к нему территориях, находились 148 совхозов и 30 колхозов, занимавшихся охотничь-

им промыслом и заготовкой пушно-мехового сырья. Их деятельность координировалась специальным производственно-территориальным управлением районов Севера данного министерства. На местах они подчинялись окружным и областным управлениям сельского хозяйства. Доля промышленной продукции в общей продукции северных совхозов и колхозов колебалась в широких пределах.

Помимо этого в стране функционировало 11 пушно-меховых баз «Союзглавлегпромсырье» Минлегпрома СССР. В 1958 г. был создан Росохотсоюз, вставший во главе спортивного охотничьего хозяйства [30, с. 19, 30].

Таким образом, к охотничьему хозяйству РСФСР на основе трансформаций второй половины 1950-х гг. относился ряд организаций, ведомств и обществ, но по прямому подчинению – только управления охотничье-промысловых хозяйств (госохотинспекций) при край(обл)исполкомах. В сфере контроля и координации находились Краевые территориальные управления при Совете МСХ РСФСР, Роскооппушнина и Росохотрыболовсоюз. Через них осуществлялся выход на облуправления сельского хозяйства, облзаготуправления потребсоюзов, тресты коопзверпромхозов, правления областных обществ охотников и рыболовов, облуправления лесного хозяйства (при наличии у них охотхозяйств).

Подобное многообразие ведомств, причастных к охотничьему хозяйству, возможно, было бы оправданным, если бы их функции и права были строго разграничены и под этим многообразием имелась универсальная научная база. Однако это было не так, хотя благодаря проведенным реформам организация и структура охотничьего хозяйства стали более совершенными.

Только очевидное снижение эффективности охотничьего хозяйства обусловило проведение в середине 1950-х – середине 1960-х гг. его коренного реформирования. Созданная система фактически копировала колхозно-совхозную систему. Кооперативные и государственные промысловые хозяйства поделили между собой наиболее богатые охотничьи угодья. Кроме этого им были переданы лесные ресурсы и права на их эксплуатацию, включая лесозаготовку и переработку [11, с. 87]. В процессе коренных преобразований второй половины 1950-х гг. системы управления охотничье-промысловым хозяйством СССР определились следующие основные типы охотничьих хозяйств: 1) государственные (госпромхозы) и кооперативные (коопзверпромхозы) промыслово-охотничьи хозяйства, промысловые совхозы и

колхозы Севера (таежной зоны) – основные поставщики пушнины и дичи; 2) государственные охотничьи и заповедно-охотничьи хозяйства, занимающиеся разработкой и внедрением научных форм ведения охотничьего хозяйства, охраной и размножением ценных промысловых животных для расселения в новые районы обитания, частично – заготовкой пушнины и дичи; 3) спортивные охотхозяйства (союзов обществ охотников и рыболовов, всеармейского военно-охотничьего общества и общества «Динамо»), ставившие задачу привлечения населения к охотничьему спорту и содействовавшие заготовительным организациям в выполнении государственных планов заготовок пушнины и дичи.

Правительство ориентировалось на освоение отдаленных охотничьих угодий Севера, Сибири и Дальнего Востока путем организации технически оснащенных охотничье-промысловых хозяйств. По определению советских специалистов 1960-х гг., «охотничьим хозяйством называется отрасль экономики, в которой деятельность человека направлена на эксплуатацию и воспроизводство государственного охотничьего фонда с целью удовлетворения потребностей общества в пушнине, дичи и других продуктах промысла» [9, с. 6].

По принадлежности охотничьи хозяйства классифицировались на государственные, кооперативные и общественные. Хозяйства потребкооперации и колхозов имели исключительно промысловое направление, хозяйства охотничьих обществ – спортивное, а государственные бывали тех и других видов.

По специализации различали хозяйства охотничье-рыболовные, комплексные, лесоохотничьи, заповедно-охотничьи, опытно-показательные и учебно-опытные. По видовому направлению не существовало четкой классификации хозяйств, хотя иногда они выражались достаточно конкретно. Например, ондатровые, соболино-беличьи, на лосей, сайгаков, на водоплавающую и болотную дичь и др. Однако преобладают хозяйства с многовидовым направлением. В спортивных хозяйствах основными объектами охоты служили: заяц, лось, косуля, олень, кабан, лисица, а из птиц – боровая, водоплавающая, болотная и полевая дичь [9, с. 8].

Для устройства промыслово-охотничьих хозяйств потребительской кооперации Всесоюзный НИИ животного сырья и пушнины разработал методическое руководство (1958), состоявшее из двух частей. В первой излагалась методика охотоэкономических обследований, во второй описывались приемы углубленного исследования некоторых вопросов при охотоустройстве.

В основу инвентаризации угодий была положена их ландшафтная типология: темнохвойная плотная тайга, светлая тайга, смешанная тайга, редины, молодняки по гарям, лиственные леса, заболоченные леса, пойменный комплекс, леса на каменистых россыпях, заросли кустарников. Нормы сезонной нагрузки угодий на одного охотника определялись с учетом трудоемкости опромышления каждого типа угодий. Была осуществлена бонитировка угодий, под которой понималась оценка их промысловых свойств и распределение по классам хозяйственной ценности. Всего устанавливалось пять классов бонитетов и соответствующая им средняя добыча зверей и птиц с 1 км² угодий.

Данное руководство стало методической основой для охотоустроителей при экономическом обосновании целесообразности более ста комплексных промысловых хозяйств потребительской кооперации. Оно помогло решить главные задачи, возникшие при планировании хозяйственной деятельности промхозов [9, с. 40–42].

Большие работы по межхозяйственному охотоустройству провели Центральная, Западно-Сибирская и Восточно-Сибирские экспедиции Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при СМ РСФСР. Они приступили к работе в 1960 г. и преимущественно закрепляли угодья за обществами охотников. На основе их работы были созданы и закреплены за пользователями около 5 тыс. приписных охотничьих хозяйств. Угодья закреплялись на срок не менее 10 лет. Обследованные, но не закрепленные угодья оставались временно угодьями общего пользования. В результате работ составлялись паспорта на конкретные охотхозяйства, в целом на административный район, на охотхозяйство области, края, АССР.

Среди недостатков следует отметить отрыв их, особенно в первые годы, от охотничьей общественности. Угодья выделялись часто в границах, не соответствующих запросам коллективов охотников. Иногда сбор материалов производился поверхностно и проектные расчеты были недостаточно обоснованными. Типология и бонитировка угодий, были несовершенными и не обеспечивали объективной оценки качества охотничьих угодий.

В целом экспедиции провели большую работу и в сравнительно небольшой срок обследовали огромную территорию. Благодаря им более 3 тыс. коллективов и обществ охотников Росохотрыболовсоюза получили угодья в долгосрочное пользование. Этим бы-

ли созданы предпосылки для привлечения широких масс к активному участию в охотхозяйственном строительстве [9, с. 45, 46].

В среде специалистов развернулась дискуссия о подходах к типологизации угодий. В частности, иркутские специалисты профессора В. Н. Скалон и Н. Н. Скалон отрицали необходимость экологического подхода к типологии угодий. По их мнению, растительный покров не является лучшим выразителем условий обитания охотничьих животных. Они считали, что при организации промысловых хозяйств не требуется изучения и описания растительности, почв, леса, фауны общебиологическими методами и в биологическом аспекте. Особенно категорично они возражали против учета фауны при охотоустройстве, считая все методы абсолютного и относительного учета недостоверными. Они предлагали положить в основу охотостроительного метода опрос охотников [38, с. 17, 18; 37, с. 21].

По мнению Д. Н. Данилова, Я. С. Русанова, А. С. Рыковского и др., «базируя свою классификацию на эксплуатационном принципе, т. е. только на опыте фактического использования участка они лишают ее естественно-исторической определенности и устойчивости. Следует учитывать не только выход продукции и экономические условия, но и природные факторы, определяющие плотность заселения участков животными. В противном случае рассматривается следствие, без знания причин, его обусловивших. Этот метод невозможен для оценки неиспользованных участков. Авторы предостерегают от вмешательства в состояние участков с целью их улучшения [9, с. 48].

В соответствии с решениями руководства страны Роспотребсоюз организовал в 1958–1960 гг. 94 промысловых хозяйства со штатом охотников в 8 460 чел. и увеличил число штатников в существовавших и восстанавливаемых хозяйствах на 2 тыс. чел. За ними закрепили ценные охотничьи угодья, обеспечили контингентом охотников-рабочих, получивших социальные права рабочих. С этого времени началось становление и развитие системы промхозов, просуществовавших до конца советского периода. В 1958 г. в системе Центросоюза насчитывалось 70 промхозов, в 1962 г. – более 100 [31, с. 20].

Коопзверопромхозы и госпромхозы – хозрасчетные предприятия. Перед ними ставился ряд основных задач: рационально использовать естественно возобновимые природные ресурсы; увеличивать товарный выход пушнины, пернатой дичи, мяса диких животных, дикоросов, лекарственно-технического сырья и вылов

рыбы. В зависимости от природно-экономических условий они развивали и другие отрасли. Для выполнения этих задач за промхозами закрепляли на длительный срок определенные площади охотничьих угодий.

Территория хозяйства устанавливалась такого размера, чтобы при рациональном освоении угодий обеспечивалось получение достаточно большого объема продукции. Угодья в хозяйствах располагались в основном компактно, а сами хозяйства имели четкие и хозяйственно целесообразные границы.

В истории охотохозяйственных предприятий прослеживается тенденция выделения в границах конкретного хозяйства в качестве производственных единиц отделений и производственных участков. Отделение – это наиболее крупная хозяйственная единица промхоза, развивающая, помимо промыслов, другие отрасли и предприятия: звероводство, заготовку и переработку леса. Наряду с ними, или в их составе, в промхозах выделялись производственные участки. Производственный участок – это хозяйственная часть обычно без дополнительных производств и с меньшим, чем в отделении, объемом продукции [31, с. 324].

В литературе по организации и экономике сельского хозяйства отмечены производственные подразделения рассматриваются как понятия равнозначные. Существующее между ними различие заключается в том, что в совхозах эта хозяйственная единица называется отделением, а в колхозах – производственным участком. Как же получилось, что в охотохозяйственных предприятиях эти равнозначные производственные единицы имели нетождественные значения? На взгляд В. А. Тютина, С. В. Фраер, Б. Г. Ходасевича и др., употребление термина «отделение» в коопзверопромхозах объяснялось стремлением привести структуру производства в соответствие с производственной структурой звероводческих совхозов. Необходимость этого связана с процедурой утверждения заработной платы штатным единицам коопзверопромхозов на уровне рабочих и служащих совхозов. Производственный участок, по оценке В. Н. Скалона, Н. Н. Скалона, являлся сферой хозяйственной деятельности звена охотников или даже отдельного охотника [36, с. 74–75; 47, с. 304].

Промхозы комплектовали штаты из охотников, других работников и необходимых специалистов, а также использовали сезонную рабочую силу, привлекаемую на договорных началах. Они осуществляли весь комплекс охотохозяйственных работ. Для освоения отдаленных охотничьих угодий, сбора дикоросов

строили промысловые базы и избы, сушилки, авиапосадочные площадки, прокладывали грунтовые дороги и тропы, расчищали реки от заломов, создавали специальные производства для первичной обработки и консервирования продукции. В благоприятных природно-экономических условиях организовывали пасеки и зверофермы. В непромысловый период заготавливали и перерабатывали лес, делали бочки и ящичную тару [31, с. 325].

Промхозы снабжали рабочих и местное население, работавшее на него, промысловым инвентарем, орудиями лова, охотничьими боеприпасами, промысловой одеждой и обувью, предоставляли транспортные средства для проезда к местам промысла и обратно. Централизованно завозили продукты питания, тару, орудия промысла и охотничьи боеприпасы в отдаленные охотничьи угодья, места сбора дикоросов. На закрепленной территории промхозы принимали от колхозов и населения продукцию пчеловодства, звероводства, кролиководства и животноводческое сырье. Заготовленную продукцию промхозы реализовывали по нарядам вышестоящих организаций.

Промыслово-охотничьи хозяйства создавались как специализированные охотничьи хозяйства, но с комплексом отраслей, обусловленных природно-экономическими условиями района их деятельности. По экономическому значению отрасли в охотхозяйствах разделялись на основные и дополнительные. Основные отрасли давали наиболее ценную для государства продукцию, ради которой они и были организованы. На эти отрасли обычно приходилась основная часть товарной и валовой продукции и затрат труда в хозяйстве. В ряде промхозов Байкальской Сибири к основным отраслям относился также сбор кедровых орехов и ягод.

Дополнительные отрасли давали продукцию, занимавшую меньший удельный вес. Эти отрасли в сочетании с основными обеспечивали более рациональную структуру хозяйства, комплексное использование местных природных ресурсов, материально-технической базы и рабочей силы, повышая рентабельность промхозов и выход продукции. К числу дополнительных отраслей в Байкальском регионе в большинстве промхозов относились заготовка и переработка леса, сельскохозяйственное производство, оленеводство, рыболовство и др. Некоторые отрасли (бондарное производство, животноводство, растениеводство) в промхозах являлись подсобными и предназначались для обслуживания основных отраслей [31, с. 315, 327].

Для экономического укрепления производственных единиц промхозов требовалось выделять им основные средства производства с тем расчетом, чтобы они могли развивать все отрасли хозяйственной деятельности. В рассматриваемый период в наибольшей мере насыщались средствами производства только центральные участки. Организация и укрепление отделений способствовали более равномерному использованию трудовых ресурсов в охотохозяйственном производстве, но не разрешали всех вопросов укрепления организационной структуры промхозов.

Одним из путей разрешения этой проблемы в Байкальской Сибири специалистам представлялась организация непосредственно в глубинных угодьях охотничьих и орехопромысловых баз. Они рассматривали их как самостоятельные производственные единицы, ибо они являлись обособленными частями хозяйства, имевшими закрепленную площадь кедровых массивов, необходимые средства производства, а также сезонную и штатную рабочую силу [12, с. 72].

Решение о создании промхозов было с одобрением воспринято в регионе, и они с 1958 г. приступили к работе. Пионером в создании орехопромысловых баз среди охотничье-промысловых хозяйств Восточной Сибири явился Байкальский коопзверопромхоз Иркутской области. Особенностью организационно-производственной структуры этого хозяйства являлось создание орехопромысловых баз – самостоятельных производственных участков, подчиненных непосредственно центральной конторе хозяйства. Например, Черемховский Харцагинский хозяйственно-производственный центр в кедровом угодье приравнялся по значению к отделению или производственному участку промхоза. Применявшаяся в промхозе технология сочетала в себе технологическую связь материально-технического обеспечения промыслов и подсобных работ с сырьевыми ресурсами орехопромысловых угодий.

В комплекс таежных сооружений этих баз входили складские помещения, жилье для бригады рабочих-возчиков, сторожа, контора, общежитие для орехосборщиков, пекарня, баня, гараж, конюшня и сушилка для обработки готовой продукции. Некоторые отдаленные промысловые базы имели вертолетные площадки. Каждая база располагала широкой разветвленной сетью заготовительных пунктов – подбаз, соединенных с ней вьючными тропами или тракторными дорогами. Назначение подбаз – сокращение перевозок готовой продукции вьючным способом от ин-

дивидуальных участков орехосборщиков до складов хозяйства. Это давало возможность наименьшими силами (рабочих-возчиков и лошадей) справляться с интенсивными перевозками продукции в сезон массовых заготовок.

Описываемая система управления и организации производства позволяла орехосборщикам, большинство которых состояло из отпускников, получать расчеты за сданную продукцию в день окончания работ. Дополнительные затраты на строительство подбаз и услуги сезонных сторожей полностью компенсировались сокращением транспортных расходов. Количество подбаз определялось практической целесообразностью и общей площадью кедровых урочищ. На территории подбазы располагалось несколько индивидуальных участков орехосборщиков. Благоустройство производственных сооружений индивидуальных участков производилось силами хозяйства и самих сборщиков.

Наряду со сбором кедровых орехов таежные базы занимались заготовкой других дикорастущих растений, лекарственно-технического сырья, производством хозяйственных товаров и лесозаготовками. На время заготовок ягод и грибов в районе открывались дополнительные приемные точки. После окончания сезона промысла дикорастущих плодов и ягод начиналась добыча пушнины, мяса диких копытных и боровой дичи. Основная масса промысловой пушнины заготавливалась охотниками-любителями. Таким образом, промысловая база функционировала практически круглый год, обеспечивая все операции по организации заготовок таежной продукции. Необходимость организации подобных баз была обусловлена сокращением числа мелких таежных населенных пунктов. При большой территориальной разбросанности охотничьих угодий, отсутствии дорожной сети и острой нехватке транспорта охотничье-промысловые базы являлись опорными пунктами освоения сырьевых ресурсов. Опыт организации кедрового промысла в Байкальском КЗП широко использовался в охотопромысловых предприятиях Читинской области и Бурятской АССР [1].

В Бурятской АССР и Читинской области процесс проектирования и организации кооперативных охотничье-промысловых предприятий начался в 1958 г. Для руководства хозяйствами были созданы тресты коопзверопромхозов. Бурохотсоюз организовал в 1958 г. в таежных районах 5 охотпромхозов со штатом по 90 охотников. Одно из таких хозяйств – Прибайкальский промхоз был создан на базе рыболовецкой артели Прибайкальского айма-

ка. Здесь приступили к организации правильного ведения охотничьего хозяйства, разведению пушных животных, сбору дикоросов. Главной проблемой хозяйств на начальном этапе их существования оказалась обезличка угодий. Промысловикам не хватало лошадей заезжать в тайгу, отсутствовали охотничьи собаки и т. д. [34].

Организационный период становления коопзверопромхозов по ряду причин затянулся. Прежде всего, в первоначальный период неправомерным было подчинение их районным потребительским союзам, где финансовая и административная зависимость сдерживала и сковывала инициативу коопзверопромхозов и не способствовала освоению глубинных охотничьих угодий, обрекая последние на заготовительную деятельность. По этой причине организация коопзверопромхозов на первоначальном этапе носила формальный характер. Вновь созданным предприятиям было выделено недостаточное количество материальных средств на расширенное воспроизводство и проведение охотохозяйственных мероприятий. Охотничье-промысловые хозяйства создавались наспех на базе бывших заготовительных контор с продолжением исполнения ими прежних производственных функций. Поэтому они, в большинстве своем, ограничивались заготовкой и первичной переработкой сельскохозяйственного сырья. Значительно позже, в целях устранения допущенных ошибок, были определены производственные функции коопзверопромхозов и некоторые из них переведены на самостоятельный баланс [2, с. 57].

Эффективность промысловых хозяйств зависела от уровня рентабельности. Первые КЗПХ создавались в кедровых лесах в расчете на увеличение валового выхода продукции на основе комплексного использования всех сырьевых ресурсов (в первую очередь таежной фауны). Уже в первые годы деятельности этих предприятий наметились основные и дополнительные отрасли. Основные отрасли – охотничье хозяйство и кедровый промысел обеспечивали около 85–95 % общих стоимостных заготовок продукции. Остальное приходилось на дополнительные отрасли – сбор ягод и грибов, лекарственного и технического сырья и некоторые другие производства, базировавшиеся на переработке древесины. Комплексная эксплуатация всех отраслей лесного хозяйства обеспечивала рациональное использование трудовых и природных ресурсов.

Вместе с тем промхозы базировались не только на ресурсах кедровых лесов. Отдельные производства и заготовки строились

на основе лиственничных, лиственных и других насаждений, а также на эксплуатации водных угодий и др. нелесных площадей. Производственная и заготовительная деятельность хозяйств включала в себя эксплуатацию охотничьих животных, сбор орехов, ягод, грибов, лекарственного и технического сырья, лов рыбы и некоторые другие виды заготовок. В КЗПХ развивались дополнительные производства – звероводство, кролиководство и пчеловодство. Непостоянная занятость работников в отдельных производствах ощутимо отражалась на доходности хозяйств и не позволяла обеспечить промысловиков постоянной заработной платой [30, с. 189; 31, с. 13].

Важнейшими обстоятельствами, определяющими методологию и эффективность ведения охотничьего хозяйства, являются природно-климатические и социально-экономические условия и обстоятельства. Лесопокрытая площадь Иркутской области – самой крупной административной единицы региона составляла в рассматриваемый период свыше 56 млн га. Существенные изменения в состав древостоя могли внести только крупные вырубки и лесные пожары. Интенсивная эксплуатация леса на территории Байкальской Сибири началась в 1950 г. Наибольшие площади лесов, охваченные пожарами, отмечались в 1950, 1954 и 1962 г. За десятилетие (1950–1960 гг.) пожарами было охвачено 464 тыс. га (2 % лесопокрытой площади), в такой же степени пострадали и леса Забайкалья. В конце рассматриваемого периода горимость леса резко снизилась. Около 95 % пожаров – низовые, когда выгорала только часть подстилки и кустарников, черные гари составляли незначительную часть. Большое влияние на фауну лесостепной зоны оказали ежегодные пожары, возникающие в результате небрежности при обжиге стерни на полях, захватывающие опушечные насаждения. Пожары эти по времени (конец апреля – май) совпадали с периодом размножения большинства зверей и птиц, гнездящихся на окраинах полей.

Значительно большее влияние хозяйственной деятельности человека на условия существования охотничьих животных отмечалось в лесостепной части Иркутской области – в районах развития сельского хозяйства. В период с 1940 по 1962 г. посевные площади увеличились на 86,8 %. Расширение посевных площадей проведено в основном за счет укрупнения существовавших ранее массивов, путем раскорчевки большого количества перелесков. Распаханы балаганские и усть-ордынские степи, за счет чего в этих районах площадь пахотных угодий увеличилась втрое.

Большие площади лесостепных и пойменных участков залиты водами Братского водохранилища, имеющего площадь 55 тыс. кв. км. В итоге резко сократилась площадь опушечных насаждений, межей и степных нераспаханных участков, являвшихся основными местами размножения многих видов охотничьих животных. В Бурятии и Читинской области, за счет значительного увеличения поголовья скота, выросла нагрузка выпаса на степных участках. Это особенно сильно сказалось в южных горно-степных участках Бурятии, где тропы, вытоптанные овцами по склонам гор, стали глубокими, что приводило к эрозии почвы.

Вредное влияние на численность всех видов животных вызывали неаккуратное хранение и использование минеральных удобрений и ядохимикатов. Из-за отсутствия подходящих мест гнездования в Иркутской области исчезли дрофы, встречавшиеся ранее в больших количествах. В Забайкалье их сохранились единицы. Почти полностью исчез светлый хорь (в период 1932–1941 гг. в области заготавливалось в среднем по 3,5 тыс. шт.), что привело к запрету его добычи. Крайне редки стали кроншнеп и тетерев. На большей части степной и лесостепной зоны исчезла бородатая куропатка, сохранившаяся только на полях отдаленных колхозов, где не применялись ядохимикаты. Аналогичным было состояние поголовья тетерева-косача, сохранившегося и приспособившегося жить на старых лесосеках, переставшего вылетать на кормежку на поля. Он распространился в ранее не свойственных для него районах.

Изменения, произошедшие в степной и лесостепной зонах, привели к сокращению количества степных орлов и ряда мелких птиц из отряда воробьиных. Одновременно возросло количество мелких грызунов. Резкое сокращение количества косуль в основном связано с браконьерством. Расширение посевных площадей, наличие гарей, лесосек и увеличение сети лесных дорог повлекли за собой проникновение на север косули и волка [44, с. 36].

Одной из основных причин снижения пушных заготовок считается сокращение количества и изменение состава охотников, участвующих в добыче пушнины. Учитывая политику правительства, колхозы стали выделять охотников только на время отпуска, перестали обеспечивать их транспортом. Большинство охотников потеряли уверенность в возможности ежегодно получать отпуск в нужное для промысла время. Пропал стимул поддерживать таежное оборудование и строить зимовья. Все эти заботы, а, следовательно, и расходы на оборудование тайги, завоз к месту промысла и т. п. легли на охотхозяйственные организации.

Развитие лесодобывающей, нефтяной, горной и лесопереработывающей промышленности, проникновение промышленных новостроек в некогда глухие и отдаленные таежные промысловые районы значительно изменили состав охотничьего населения. Охотники-профессионалы, для которых охота была основным видом деятельности, переходили на работу в промышленные предприятия и уделяли охоте лишь выходной и дни отпуска. В основных промысловых районах резко уменьшилось количество промысловых охотников и увеличилось количество охотников-любителей.

Общее число лиц, принимавших участие в пушном промысле Иркутской области с 1935 г. по 1968 г., снизилось почти в 1,5 раза. Доля рабочих и служащих увеличилась более чем в 9 раз, колхозников (преимущественно вследствие преобразования промысловых колхозов в охотничьи промхозы) упала в 4 с лишним раза. Свободные охотники с 1948 г. перестали учитываться по причине своей малочисленности (табл. 1).

Таблица 1

Число и состав охотников Иркутской области в 1935–1960 гг. [30, с. 168]
(числитель – число охотников; знаменатель – %)

Год	Число охотников	В том числе			
		рабочих и сл.	колхозников	единоличников	штатных
1935	12 492	895/7,8	9 092/72,8	2 390/19,1	115/0,9
1938	12 110	1 158/9,6	10 005/82,6	947/7,8	-/-
1945	5 510	1 339/24,3	3 901/70,8	270/4,9	-/-
1948	6 557	2 333/35,6	4 198/64,0	-/-	26/0,4
1950	5 934	2 504/42,2	3 401/57,3	-/-	29/0,5
1953	7 328	3 278/44,7	4 030/55,0	-/-	20/0,3
1956	10 052	5 693/56,6	4 350/43,4	-/-	-/-
1958	9 973	5 690/57,1	3 773/37,8	-/-	310/5,1
1960	9 510	5 773/60,3	3 294/34,7	-/-	483/5,0

Основное значение имело освоение угодий. До 1955 г. в Иркутской области преобладающей частью охотников были колхозники, обеспеченные транспортом (лошади, олени). Большая часть рабочих и служащих также находила лошадей для завоза всего необходимого к месту промысла. В значительной степени сохранилось «вотчинное» владение охотничьими участками, которые охотники сами оборудовали зимовьями (по две и более избушек на участке), следили за заезжими тропами. В охотугодьях области было 12–15 тыс. охотизбушек – одна избушка на 43–54

км² угодий, не считая временных «ночук». Это обеспечивало более равномерное освоение территории, в том числе и отдаленных участков. Начиная с 1955 г. наметилось изменение в составе охотников: возрос удельный вес рабочих и служащих, которые использовали отпуска для добычи пушнины.

Одновременно с изменением состава охотничьего населения существенно изменились способы и орудия охоты. Возросли оружейные способы добывания, резко сократилось использование самоловов. Охотники – члены колхозов, задерживались на сельхозработках до глубокой осени, значительная часть выделялась на охоту лишь на сравнительно короткий срок, во время которого они вели только оружейную охоту [31, с. 340].

Наиболее ценным пушным зверем в Байкальской Сибири является соболь. Его добыча в значительной степени определила ориентацию охотничьего сообщества в рассматриваемый период. С 1940 г. в стране введена лицензионная система промысла соболя, для чего охотникам выдавалось отдельное разрешение на отлов или отстрел каждого зверька в строго определенном месте. В Байкальском регионе решение об открытии соболиного промысла было принято в 1941 г., он был разрешен в 7 районах Бурятии и частично в Иркутской области. Как показало время, это мероприятие оказалось преждевременным, и в 1945 г. из-за частичного перепромысла его добычу вновь запретили на 5 лет. В 1950 г. промысел был разрешен в 17 районах. В Иркутской области соболя заготовили почти в 7 раз больше, чем в 1935 г. К концу 1950-х гг. в Восточной Сибири популяция соболя сформировалась на всей территории, пригодной для его обитания. Общая площадь угодий, занятых соболем, составила 67 млн га. С этого времени отстрел и отлов увеличивался параллельно росту его численности. По данным В. В. Тимофеева, рост численности соболя в регионе, несмотря на активный промысел, продолжался вплоть до 1960 г. Затем произошел резкий спад его поголовья и добычи.

В Бурятии в связи с катастрофическим снижением запасов соболя с 1930 по 1955 г. реакклиматизация осуществлялась в 11 районах. Было выпущено более 650 зверьков. Соболь прижился во всех местах. В результате к 1940 г. его численность возросла, что позволило с 1943 г. начать его опытный промысел. Заготовка шкурок этого зверька с 459 (1943 г.) достигла 12 848 шт. в 1961 г. Численность соболя в 1956 г. в Бурятии, по данным В. В. Тимофеева, составила около 22 тыс. шт. Заготовки соболя были максимальными с 1952 по 1968 г. За 17 лет заготовлено более

половины всего объема – 119 тыс. шкурок (52,2 %). В охотсезоне 1961/1962 г. было заготовлено наибольшее количество шкурок за всю историю промысла в Бурятии – более 15 тыс. шт. [5; 8, л. 24; 32, с. 67; 20, с. 298].

Однако даже внешне позитивные результаты воздействия человека на природную среду имеют и оборотную сторону. Снижение охотохозяйственной деятельности в Саянах в 1940–1950-е гг. привело к изменению численности некоторых видов таежной фауны. Именно этот фактор явился основной причиной быстрого расселения соболя в Саянах. Нарастание численности этого зверька привело к перенаселенности и возникновению эпизоотии. В 1956–1966 гг. в заготовку поступали шкурки, пораженные грибковыми заболеваниями. Такое же заболевание было отмечено и в районах Приангарья, Прибайкалья и Алтая [3; 14, с. 21; 35, с. 120; 40, с. 13; 19, с. 268].

Восстановление поголовья соболя в регионе было обеспечено не только запретами на промысел, но и его активной интродукцией. В 1930-е гг. в Восточно-Сибирском крае был создан зоокомбинат, просуществовавший до конца рассматриваемого периода. Первоначально он объединял красноярский, читинский, тувинский, бурятский и другие участки. Его основной задачей являлось содействие акклиматизации и реакклиматизации зверей и птиц. С 1930-х гг. в Баргузинском и Амурском краях производился отлов соболей для «метизации» в зверосовхозах Главпушны и расселения в других районах региона [7, л. 48; 4; 39].

Динамику изменения численности соболя в Восточной Сибири характеризуют данные, приведенные в табл. 2. В соответствии с ними поголовье пушного зверя в 1950–1960-е гг. постоянно росло как в абсолютных цифрах, так и в пересчете на гектар.

Таблица 2

Динамика изменения численности соболя в Восточной Сибири [18, с. 12]

Годы	1949–1950	1954–1955	1960–1961
Численность в расчете на 1000 га	0,8	2,4	3,6
Общая численность	5 400	16 000	24 000

Целесообразно сопоставить совокупные данные табл. 2 с показателями конкретных географических районов региона в сезоне 1963–1964 гг. Так, на Патомском и Северобайкальском нагорье на 1000 га приходилось 1,2; в Северном Забайкалье – 0,9; Приангарье и Приленье – 3,0; Северо-Западном и Северо-Восточном

Прибайкалье – 1,4; в Восточном Саяне и на хребте Хамар-Дабан – 1,4 соболя. Они свидетельствуют о резком сокращении поголовья соболя в регионе в начале 1960-х гг.

Причина в том, что вследствие быстрого роста численности и относительно высокой заготовительной стоимости шкурки основным объектом промысла стал соболь. Средняя добыча одного охотника за осенний сезон (30–35 дней) составляла 10–15 соболей, средочная цена которых эквивалентна 400–500 белкам. Добыть такое количество белки за 35 дней, даже в урожайные годы, очень трудно. В практику вошла неограниченная добыча соболей, чему способствовали ослабление контроля, поощрение охотников за перевыполнение плана по сумме, а не за сдачу определенного ассортимента пушнины, и ежегодная дополнительная выдача лимитов.

Со времени возобновления промысла соболь занял одно из первых мест в общем объеме пушных заготовок. Значительное влияние на сохранение его высокой численности имела лицензионная форма промысла. Но со временем лицензионный отстрел и отлов соболя стал чистой формальностью, он утратил роль регулирующего фактора при промысле, что привело к его перепромыслу, в частности, в Восточных Саянах, Хамар-Дабане [13, с. 74].

Вторым по значению пушным зверем для охотничьего хозяйства региона является белка. В Иркутской области в период 1932–1961 гг. происходил непрерывный рост заготовок беличьих шкурок. Своего пика беличий промысел достиг в 1961 г. Среднегодовые заготовки беличьих шкурок составили в 1932–1941 гг. 1 613 524 шт., а в 1956–1965 гг. всего 555 224 шт., т. е. почти втрое меньше. Главной причиной кризиса промысла специалист-охотовед О. В. Жаров считал изменение традиционного уклада жизни и социально-экономических условий охотников на белку. По его данным, количество охотников, добывавших белку в 1935 г., составляло 12 492, а в 1963 г. – 8 503, т. е. сократилось на треть. В 1930-е гг. охотник проводил на охоте 30–35 дней, а в середине 1960-х гг. время, затрачиваемое непосредственно на промысел белки, сократилось до 15–20 дней. Снижение произошло за счет перенесения начала сроков охоты на более позднее время, и переключения охотников на более доходное дело – «соболевку». В конце XIX – начале XX в. белок начинали добывать с 14 октября, традиция эта сохранилась и в 1930-е гг., несмотря на официальное открытие охоты с 22–25 октября.

Наряду с уменьшением количества охотников и снижением времени добычи, сократилось количество самоловов. В 1936 г. ко-

личество учтенных плашек составило 639 737 шт., а в 1959 г. всех стационарных самоловов было 131 411 шт. Основная часть плашек в 1936 г. применялась в 4-м квартале, часто одновременно с оружейным способом охоты. На результативность плашникового способа погодные условия оказывают меньшее воздействие, обеспечивая ее более высокую эффективность. В конце 1930 г. 27,3 % охотников-белковщиков применяли самоловы, а их добычаемость была выше в два раза [10, с. 190].

Организационные перестройки, низкая экономическая заинтересованность заготовительных организаций и охотников в добыче массовых видов пушных зверей и отсутствие должной ответственности за выполнение плана пушных заготовок привели к резкой перестройке структуры заготовок и снижению добычи массовых пушных видов. Среднегодовые заготовки белки в Байкальском регионе за период 1951–1960 гг. снизились по сравнению с довоенным периодом в три раза, колонка и горностая – в шесть раз, почти полностью прекратилась добыча весенне-летних видов.

По стоимости пушные заготовки ондатры в стране занимают 2–3-е место после соболя и белки. В Байкальском регионе она разведена искусственно. Учитывая характер межвидовых взаимоотношений данного вида с другими животными, можно отметить, что вселение ондатры в бассейн Байкала не внесло отрицательных изменений в его экосистему, а в хозяйственной жизни ондатра сыграла положительную роль как промысловый зверь, давший населению миллионы красивых шкур.

Судьба ондатры в регионе в рассматриваемый период сложилась менее успешно, нежели соболя и белки. Иркутский облпотребсоюз на два года задержал выполнение указания о восстановлении ондатровых хозяйств. Основные средства (здания, транспорт), переданные при ликвидации ГОХов райпотребсоюзам, вернуть не удалось. Были потеряны кадры специалистов и охотников, нарушен систематически проводимый комплекс биотехнических мероприятий. Ряду восстановленных хозяйств были переданы заготовки всех видов животного сырья, в результате чего собственно охотничье хозяйство и заготовки пушнины вновь стали второстепенной частью их деятельности.

Заготовки шкур ондатры, стабилизировавшиеся на уровне 160 тыс. штук, с ликвидацией ГОХов упали до 130 тыс. (почти на 20 %) и в дальнейшем продолжали сокращаться.

Создание Братского водохранилища внесло существенные изменения в характер части ондатровых угодий Братского рай-

она и южной части Усть-Удинского. Существованию ондатры препятствуют резкие изменения уровня воды. Основные же ондатровые угодья (Катангский, Нижнеилимский, Тайшетский районы) не претерпели изменений.

По производительности и продуктивности все ондатровые угодья Бурятияи Б. А. Дмитриевым (1969) условно подразделены на три зоны: южную (долина р. Иркутта и дельта р. Селенги), здесь добывалось по 9–10 ондатр с 1 га, в отдельных водоемах до 75 зверьков с 1 га; центральную (долина р. Турки и р. Баргузина), где в годы наиболее высокой численности выход ондатры не превышал в среднем 3,4 шт. с 1 га, и северную (р. Верхняя Ангара и Витимское плоскогорье), для которой характерна низкая продуктивность водоемов в силу недостатка растительной пищи в глубоководных участках. Выход ондатровых шкурок не превышал 1,3 шт. с 1 га угодий.

В отличие от северных, в южных и центральных районах Иркутской области в 1950-е гг. отмечено резкое уменьшение численности и сокращение ареала волка. Хищников уничтожили в некоторых лесостепных районах, и ряд лет их шкуры не поступали из Аларского, Братского и других районов. Изменение числа волков в Иркутской области прослеживается по заготовкам их шкур. Среднегодовые данные по пятилетиям составили: 1932–1934 гг. – 356 шкур; 1935–1939 гг. – 269; 1940–1944 гг. – 291; 1945–1949 гг. – 535; 1950–1954 гг. – 336; 1955–1959 гг. – 256 [6].

Плотность населения хищника в Читинской области значительно выше, нежели в соответствующих ландшафтах Иркутской области. В зоне северной тайги повсюду плотность волка различается меньше, а по Читинской области и Красноярскому краю совпадает. Если сравнить заготовку шкур с единицы площади в годы наибольшей и наименьшей численности волка, то можно заключить, что наиболее эффективным истребление волков было в Иркутской области (снижение в 12,1 раза). Далее следуют Читинская область и Красноярский край, в которых поступление волчьих шкур сократилось соответственно в 5,2 и 4,1 раза.

Несмотря на интенсивную борьбу, численность волка в Читинской области оставалась высокой до 1962 г., когда впервые уменьшилось поступление его шкур (510 шт.). В южных районах Читинской обл. средняя плотность волка составляла 11–33 экз. на 1000 км². Большие показатели числа зверей в лесостепи, южной горной и средней тайге Читинской обл. обусловлены экстенсивным животноводством с круглогодичным выпасом скота. Высокая

численность диких копытных в отдаленных угодьях также обеспечивает обильное питание волка. Заготовка шкур волка в Читинской области (среднегодовые по пятилетиям) составила: 1932–1934 гг. – 1213; 1935–1939 гг. – 1308; 1940–1944 гг. – 1063; 1945–1949 гг. – 1481; 1950–1954 гг. – 996; 1955–1959 гг. – 1000 [6].

Ареал и численность волка претерпели в 1940–1950-е гг. неодинаковые изменения в различных природных зонах Средней Сибири. Особенно заметными они были в лесостепи, южной горной и средней тайге, где плотность населения хищника удалось сократить в 3–12 раз. При этом волки исчезли из некоторых административных районов. Достаточно эффективное истребление хищника проведено в тундре и лесотундре, что привело к снижению плотности его населения до 0,4 особи на 1000 км². В северо-таежной зоне региона, начиная с 1950-х гг., происходило расширение ареала и увеличение численности волка как за счет роста популяций лося и лесного северного оленя, так и из-за недостаточно интенсивной охоты на хищника.

Экологически допустимой плотностью населения волка во всех природных зонах Красноярского края, Иркутской и Читинской областей следует считать 0,4 экз. на 1000 км². При этом общая численность популяции волка составляет около 1,4 тыс. экз., что достаточно для сохранения генетического фонда этого вида в Сибири [6].

Таким образом, анализ разнообразных источников по организации охотничьего промысла в Байкальской Сибири во второй половине 1950-х гг. свидетельствует о том, что это, возможно, самый насыщенный важными событиями для него период за всю советскую, а, может, и российскую историю.

В течение шести лет в стране была заново создана правовая база советского охотничьего хозяйства, определившая его основные параметры и направления промысла на 30–40 лет. Была изменена структура управления отраслью, включившая в себя все заинтересованные в охотничьем промысле структуры: Главохоту, ее местные разветвленные органы управления в регионах и на местах, Роспотребсоюз, Минсельхоз РСФСР, Росохотсоюз, базы Союзглавлеспромсырья.

Эта радикальная перестройка отрасли в Байкальской Сибири развивалась в соответствии с общероссийскими тенденциями, но имела и свои региональные особенности. Они определялись количеством и разнообразием охотхозяйств, спецификой контингента охотников, особенностью социально-экономических, а главное, природно-климатических и коммуникационных факторов, а так же набором промысловых зверей и птицы.

Литература

1. Атутов А. А. Опыт хозяйственной деятельности Байкальского коопзверопромхоза / А. А. Атутов, М. И. Смышляев, С. И. Немченко. – М., 1973. – 16 с.
2. Атутов А. А. Таежное природопользование в Западном Забайкалье / А. А. Атутов, В. П. Москвитин, И. Б. Тармаев. – Новосибирск, 1982.
3. Вост.-Сиб. правда. – 1984. – 4 авг.
4. Вост.-Сиб. правда. – 1985. – 19 июня, 17 авг.
5. Вост.-Сиб. правда. – 1986. – 4 янв.
6. Все о волках. Красноярский край, Иркутская, Читинская области [Электронный ресурс]. – URL: <http://ovolkah.ru/230/>
7. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 1350. Л. 48.
8. ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 686.
9. Основы охотостроительства / Д. Н. Данилов [и др.]. – М. : Лесн. промышленность, 1966. – 332 с.
10. Жаров О. В. Причины снижения заготовок беличьих шкурок в Иркутской области и мероприятия по их увеличению // Изв. Иркут. сельскохоз. ин-та. Вып. 26. Т. 3. Вопр. охотоведения. – Иркутск, 1970. – С. 189–193.
11. Зуляр Ю. А. Основные этапы охотничье-промыслового освоения Байкальской Сибири в XX в. // Изв. Иркут. гос. академии. 2003. – № 1. – С. 82–90.
12. Кедровый промысел в Прибайкалье / под ред. В. М. Шунькова. – Иркутск, 1969. 117 с.
13. Крючков В. С. Значение охранных мероприятий в восстановлении и использовании запасов соболя // Природа, ее охрана и рациональное использование. – Иркутск, 1970.
14. Лавов М. А. Хозяйственное использование соболя в Прибайкалье / М. А. Лавов. – Иркутск, 1957.
15. Матвейчук С. П. Канадский опыт обеспечения равнодоступности охотничьих ресурсов // Охотоведение. – Киров, 2004. – № 2 (52). – С. 60–74.
16. Матвейчук С. П. Элитарность и эгалитарность в российской охоте [Электронный ресурс]. – URL: http://piterhunt.ru/library/articles/matveychuk/elitarnost_i_eg.htm
17. Мельников В. К. В охотничьих хозяйствах // Сельскохозяйственное производство Сибири и Дальнего Востока. – 1963. – № 8. – С. 75–77.
18. Монахов Г. И. Динамика ареала и численности соболя Восточной Сибири : автореф. дис. ... канд. биол. наук / Г. И. Монахов. – Томск, 1965. – 25 с.
19. Мурашов Ю. П. Рациональное использование ресурсов охотничьих животных Восточной Сибири / Ю. П. Мурашов, С. К. Устинов, А. В. Комаров // Ресурсы животного мира Сибири. – Новосибирск, 1990. – С. 266–269.
20. Носков В. Т. Перспективы развития охотничье-промыслового хозяйства // Бурятия: концептуальные основы стратегии устойчивого развития. – М., 2000. – С. 286–299.
21. О мерах дальнейшего развития охотничьего хозяйства, пушного промысла, звероводства и об увеличении заготовок пушнины в РСФСР» : постановление СМ РСФСР от 17 июля 1956 г. // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР: 1954–1956 гг. – М., 1959. – Т. 5. – 702 с.
22. О мерах по воспроизводству ценных видов пушных зверей и плане отстрела-отлова соболя, куницы, уссурийского енота, выдры на сезон 1956/57 г. Постановление СМ РСФСР от 18 августа 1956 г. // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР: 1954–1956 гг. – М., 1959. – Т. 5. – 702 с.

23. О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера : постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 марта 1957 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1971. – Т. 7. – 559 с.
24. О мерах по улучшению ведения охотничьего хозяйства : постановление СМ СССР от 11 мая 1959 г. // Свод законов СССР. Т. 4. – М., 1983. – С. 513–515.
25. О мерах по улучшению ведения охотничьего хозяйства : постановление Совета Министров СССР от 11 мая 1959 г. // Собр. постановлений и распоряжений правительства СССР. – 1959. – № 10.
26. О мерах по улучшению использования кедровых насаждений, развитию промыслов и увеличению заготовок кедровых орехов, пушнины, боровой дичи и дикорастущих ягод в таежных районах Сибири, Дальнего Востока и севера Европейской части РСФСР Совет Министров РСФСР : постановление от 26 окт. 1957 г. // Собр. постановлений и распоряжений правительства СССР. – М., 1957.
27. О мерах по улучшению состояния охотничьего хозяйства РСФСР : постановление Совета Министров РСФСР от 11 апр. 1958 г. № 336 // Охрана природы. сб. нормативных актов сост.: Коган А. Г., Ромашева Л. М.; под ред. В. М. Блинова. – М., 1971. – 408 с.
28. О мерах по упорядочению использования и усилению охраны водных ресурсов СССР : постановление Совета Министров СССР от 22 апр. 1960 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). – М., 1968. – Т. 4. – 783 с.
29. Об утверждении Положения о Главном Управлении охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР и его местных органах : постановление Совета Министров РСФСР от 10 авг. 1956 г. № 555 // Собр. постановлений и распоряжений правительства РСФСР. – 1960. – № 34.
30. Охотничье хозяйство РСФСР / В. В. Дежкин [и др.] – М. : Лесн. пром-сть, 1978. – 256 с.
31. Охотничье хозяйство СССР / В. А. Аммосов [и др.] – М. : Лесная пром-сть, 1973. – 408 с.
32. Охрана, воспроизводство и рациональное использование ресурсов животного мира Восточной Сибири : материалы совещания-семинара 8–10 июня 1972 г. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1973. – 124 с.
33. Положение об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР : постановление Совета Министров РСФСР от 11 окт. 1960 г. // Собр. постановлений и распоряжений правительства РСФСР. РСФСР. 1960. – № 34. – Ст. 164.
34. Правда Бурятии. – 1959. – 10 февр., 9 июля, 8 дек.
35. Проблемы Байкала. – Улан-Удэ, 1985. – С. 120.
36. Скалон В. Н. Охота, охотники и охотничьи угодья / В. Н. Скалон, Н. Н. Скалон // Сельское хоз-во Сибири. – 1960. – № 10. – С. 74–75.
37. Скалон В. Н. Практические рекомендации по организации охотничьего хозяйства в Сибири / В. Н. Скалон, Н. Н. Скалон. – Иркутск, 1958.
38. Скалон В. Н. Рекомендации по сбору материалов для дипломных работ (организация охотничьего хозяйства) / В. Н. Скалон, Н. Н. Скалон. – Иркутск, 1960.
39. Сов. молодежь. – 1988. – 16 янв.
40. Соколов Г. А. Охотничье хозяйство в кедровых лесах / Г. А. Соколов. – М. : Наука, 1966.
41. Соловьев Д. К. Основы охотоведения / Д. К. Соловьев. – М. : Новая деревня, 1926. – Ч. 3.

42. Соловьев Д. К. Охота в СССР : краткий курс охотоведения, читаемый в Ленинградском лесном институте / Д. К. Соловьев. – [М.?] : Изд. журн. «Охотник», 1926. – 256 с.
43. Спортивная охота в СССР / сост. В. В. Дежкин. – Изд. 2-е, перераб. – М. : Физ-ра и спорт, 1981. – 568 с.
44. Тимофеев В. В. Состояние и перспективы охраны и рационального использования животного мира Восточной Сибири // Охрана, воспроизводство и рациональное использование ресурсов животного мира Восточной Сибири. Улан-Удэ, 1973. – С. 36–41.
45. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 3135. Оп. 6. Д. 1.
46. Шуньков В. М. Пути подъема экономики таежных колхозов / В. М. Шуньков, Н. М. Красный. – Иркутск, 1959. – 80 с.
47. Экономика социалистического сельского хозяйства / Тютин В. А. [и др.] – М., 1968. – 543 с.

КАМЫНИН Н. А.

ПРИЕЗД М. М. РУБИНШТЕЙНА В ИРКУТСК В 1917 Г.

Начало XIX в. Развитие Российского государства предъявляло повышенные запросы в области просвещения, школы и других смежных вопросах. Часть этих запросов правительство старалось удовлетворить путем открытия новых университетов. В добавление к 3 существовавшим университетам (Московскому, Виленскому и Дерптскому) указом Александра I были созданы еще 3: в Казани, Харькове, Петербурге. Остальные, в том числе Сибирский в Тобольске, не были учреждены, хотя у последнего нашелся богатый покровитель купец П. Г. Демидов, пожертвовавший на его открытие 100 тыс. руб.

Необходимость экономического развития Сибири требовала образованных чиновников и других специалистов. Правительство вместо открытия Сибирского университета решило обучать небольшое число сибирских уроженцев бесплатно в Медико-хирургической академии и Казанском университете с тем условием, чтобы эти стипендиаты потом были определены на службу в Сибирь.

Часть сибиряков, купечества поднимают в прессе вопрос о необходимости Сибири иметь свой университет, зондируют этот вопрос в правительстве. Они считали, что университет должен быть открыт в Иркутске, центре Азиатской России, где были сосредоточены большие умственные силы. Но вопрос этот правительство не решало.